

¹⁴ Леонтьев К.Н. Собр. соч. Т. 5. С. 196.

Н. И. ДИМИТРОВА

Институт для философских исследований - БАН, София

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И ГНОСТИЦИЗМ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Спиритуалистическая софиология Владимира Соловьева с ее радикальным противопоставлением между софийным началом и земной реальностью, специфический эротизм его Культа Вечной Женственности, так популярный в духовном пространстве начала XX века в России, становятся источником разных по своей степени религиозно-философских направлений – приближающихся скорее к православию софиологии Булгакова и Флоренского, легко осуществив переход от “софианства” к антропософии символизма, а как целое - “нового религиозного сознания”, готовящего своим революционным пафосом будущее радикальное преобразование мира.

Духовно импульсированный наследием Соловьева (и не только им, конечно!), во многих отношениях Серебряный век русской культуры развивает дальше и гиперболизирует его гностические идеи, становясь “русской Александрией” (а Соловьев со своей Софией - ее пророком¹). Серебряный век - эпоха утонченной восприимчивости недостатка “этого мира” и чаяний совершенного мира и совершенного человека, эпоха радикализма и экстремизма настроений. Усвоив наследие Соловьева, этот период пробудил дух древнего гностицизма. Как религиозно-философская установка - в разных своих модификациях, гностицизм был исповедуем (сознательно или бессознательно) большинством интеллигенции. Подчеркнутый интерес к проблеме зла, чуткость к социальным неправдам объединяли интеллигентские группы, порой далеко расходящиеся между собою. Убеждение, что “мир во зле лежит”, было трансформировано в манихейский тип веры в абсолютное

господство зла в “этом мире”; веры, обратившей зло от состояния мира в его суть. Непримируемость к социальным недугам была преобразована в принципиальную непримируемость к миру, к бытию вообще, обуславливая разные настроения богоборства в интеллигентском жизнечувствии. Эта установка “скорбного неверия” (по выражению Семена Франка) искала “оправдания” Бога, перекаладывая ответственность за творчество мира на низшее существо. Неприятие мира, его тотальное отрицание - извечный мотив гностицизма, занимавший исключительное место в душе русской интеллигенции начала века.

Как “александрийский период России”, Серебряный век содержит в себе множество оснований для его позитивного сопоставления с весьма характерным в последние десятилетия на Западе движением новой мысленности “New Age”, предъявляющим претензии воплощать собой высшие достижения человеческого духа. (Имеются в виду соответствующие установки среди интеллектуалов; широкая популярность движения как типа контр-культуры нас не интересует). Основания для типологической аналогии находим в сходных идеях по формированию новой вселенской религии – соответствующих, например, Соловьевским идеям; в чаяниях глобальной - непосредственно предстоящей - трансформации здешнего бытия (в русском варианте ею является, например, символистская теургия - актуализировав и модифицировав Соловьевское учение о теургии, призванная осуществить онтологическое преобразование); в почти одинаковых попытках снова провести десекуляризацию (или в “констатации” возрождения священного²); в грезах о новом антропологическом виде, обитающем новый эон (и соответственно в утверждениях андрогинизма - этого весьма характерного для Соловьева мотива - как идеала будущего человека). Чаения “New Age”-а появления нового человека, нового человечества, т. е. перерастания человечества в единый огромный духовный синергетический организм - уже в настоящем поколении³, перекликаются с русским интеллигентским нетерпением начала века, с русской

интеллигентской верой в грядущее перерождение человечества, выраженной в множестве идеологов “нового человека”, “новой породы людей” и т. д.

Сущностная специфика движения “New Age”-а состоит в актуализации гностицизма - призывающее к целостному духовному возрождению направление является своеобразной неогностической версией, акцент в которой поставлен на восстановление потерянной божественности - с помощью его лишь собственных усилий. В варианте “**серебряного века**” русской культуры этому соответствует специфическое явление “человекобожие”, получившее свое наименование главным образом от Достоевского, неотъемлемый компонент настроений разных интеллигентских кружков.

Уже Гарнак в своей монографии о Маркионе, имея в виду творчество Льва Толстого, отмечает гностический характер русской душевности. Попытки повторной сакрализации исторического процесса, реабилитации религии как социального фактора, т. е. десекуляризации общественного сознания, были не просто единичным эпизодом **Серебряного века**. После неудачи знаменитых встреч между интеллигенцией и Церковью в самом начале XX века (и фактического ухода интеллигенции из Церкви) возникает проект тотальной светской религиозности - т. н. “русские светские богословы” проповедуют синтез религии с революцией, требуют воплощения религии в социальной динамике. Поиски десекуляризации являются одновременно восстанием против нигилистической природы модернизма, против вытекающей из него демагификации. Соответственно этому “New Age” является движением преодоления “Entzauberung”-а и наступления “Verzauberung”-а (понятие целиком отмечено желанием противопоставления Веберовскому смыслу). А в Серебряном веке речь идет о чаяниях новой, органической эпохи. Человекобожием - гностической одержимостью, были проникнуты самые разные интеллигентские настроения начала века - и “богоискательские” (неохристиане, символисты, “мистические анархисты” и т. д.), и “богостроительские”. Возврат к более старым, дохристианским

религиозным мироощущениям обрисовывал *бессознательное* этой духовности, а ярче всего - русского авангарда. Политическая актуализация гностицизма в период **Серебряного века** была выражена также в духовном радикализме и максимализме, критикованном “веховцами”, Е. Трубецким и другими. В основе идейного максимализма лежит именно гностический мотив, отрицающий ценность и смысл “этого мира”, и тот же мотив объясняет революционную безудержность стремлений к преобразению общества, человека, мира как целого, – например, путем Соловьевского слияния искусства с жизнью - вызвав совершенную ее трансформацию, или иным вариантом мистичного или религиозного типа утопии. (Многие русские утопии облечены как раз в религиозную форму.) “Неприятие мира”, “эрос невозможного” – лозунги Вячеслава Иванова – выражали специфические тогда настроения “бунта” против мира. Картина-манифест Казимира Малевича “Черный квадрат” (в контексте глубокой духовной распри, раздирающей Россию) символизировала абсолютное отрицание мира, необходимость его полного уничтожения.

Так, всецело подвластный злу, “этот мир” не подлежит развитию и совершенствованию, а только уничтожению. (Это уже прямо противоположно естественно-сверхестественному эволюционизму Соловьева, ведущему к Богочеловечеству.) Активный принцип, который свойствен гностицизму, противопоставлялся молитвенности православия, откуда пошел революционный порыв неприятия мира во имя его повторного сотворения. Пафос неприятия мира и есть Эрос невозможного: “Эта любовь к невозможному - принцип всей религиозной жажды, всей творческой фантазии, всех порывов и дерзновений, совершавшихся доньше под знаменем “Exelsior”, - есть патетический принцип современной души”⁴.

Основания “бунта” были часто декларированы как кроющиеся в самом христианстве, в его отношении к “лежавшему во зле” миру. Действительно, множество исторических попыток, предпринятых именно христианством, ощутить присутствие Бога в творении мира, “оправдать” и

“мир”, хотя и “павший”, ввиду изначального замысла Творца, оказались неудачными. Но все - таки “гностицизация” христианства есть его искажающее упрощение, коль скоро христианство - и то, и другое, т. е. оно одновременно и приятие, и отвержение мира. Руководимая гностическими, по существу, интуициями, русская душевность часто нарочито рассматривала христианство схематически и пристрастно. Когда, например, Мережковский ставил вопрос: чем именно является христианство - приятием или отвержением мира, проклятием его или благословением, он категорически утверждал лишь тот ответ, который отрицает мир, “сегодняшний Град” государственности как антирелигиозного начала, во имя грядущего Града, символизирующего безгосударственную религиозную общественность и осуществляемого по пути синтеза религиозной и социально-политической революции. Вот верую Анархиста, человека последнего Бунта, последнего Отчаяния: “Неприятие мира - не только данного, общественного, но и всего космического порядка, как абсолютного зла, абсолютного насилия - такова бессознательная метафизическая сущность Анархии, которая в настоящее время, повторяю, находится в состоянии зачаточном и в которой бунт социальный еще никем не понят, как первое отдаленное предвестие неизмеримо грознейшего бунта человека против мира и Бога, Я против Не-Я”⁵.

Представитель “нового религиозного сознания”, “мистический анархист”, символист и т. д., “практикует” неприятие мира, отказ от жизни как таковой (этот извечный гностический мотив) древним “классическим” образом - его сторонение реальности, бегство от мира принимает форму крайнего аскетизма (различного от христианского средства для преобразования природы), специфическим модусом которого является знаменитая критика мещанства как синонима “этого мира”, но также возможен и противоположный путь - величание “мистического разврата”, “святой эротики”. (По этому поводу в своих воспоминаниях Николай Арсеньев отмечает: “Порой вливалась сюда и пряная струя “символического” организма,

буйно-органистического, чувственно-возбужденного - иногда даже сексуально-языческого - подхода к религии и религиозному опыту. Христианство втягивалось в море буйно-органистических, чувственно-гностических переживаний”⁶.

Самым важным результатом неприятия мира является, однако единодушие и “богоискательства”, и “богостроительства” в их отношении к “мировому пожару” - к Революции как к средству радикальной трансформации “здешнего бытия”, к Революции как к новому Творению мира и человека. Мережковский призывает к соединению революции с религией; А. Белый и Ал. Блок, зачарованные разрушительной стихией большевистского мятежа, рассматривают революцию как полное воплощение народного характера; “мистические анархисты” вырабатывают лозунг о “перманентной революции”, а “богостроители” его активно осуществляют... По словам Бердяева, “русские революционеры хотели всемирного переворота, в котором сгорит весь старый мир с его злом и тьмой и с его святынями и ценностями и на пепелище подыметя новая, благодатная для всего народа и для всех народов жизнь”⁷. Гибель наличного была желанной всеми предпосылкой рождения нового человека, Творца нового бытия.

Синкретический характер Серебряного века сказывается на использовании гностицизма не только как основного компонента мироощущения части левой интеллигенции, но и реформаторских стремлений “светских богословов”, доказывая необходимость трансформации и общественного бытия, и всего космоса. От идеи “религиозной общности” Соловьева (но и усвоив его принципиальную гностическую установку) Серебряный век пошел далеко в попытках десекуляризации - результаты оказались противоположными замыслу Соловьева... Вместо освящения земной реальности, доминировало неприятие мира и поиски “иного царства” - импульс для социально-духовного экстремизма, овладевшего разными слоями интеллигенции.

- ¹См.: Хоружий С. Перепутья русской софиологии. - Новая Россия, 1997. Кн. 1.
- ²См.: Spengler D. The Rebirth of the Sacred. London, 1984; Rupert H.-J. New Age: Endzeit oder Wendezeit? Wiesbaden, 1985.
- ³См. Kuenzlen G. Der Neue Mensch. Zur saekularen Religionsgeschichte der Moderne. Muenchen, 1994.
- ⁴Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 59.
- ⁵Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. Т. X. М., 1911. С. 11.
- ⁶Арсеньев Н. С. О Московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX века. Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 305.
- ⁷Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины. М., 1990. С. 68-69.

Н.М. АВЕРИН

Тамбовский государственный педагогический университет

**В. СОЛОВЬЕВ И ПРОБЛЕМА «ГРЯДУЩЕГО
ЧЕЛОВЕКА»
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX В.**

Одна из характерных особенностей философии XIX века – устремленность к глобальным мировоззренческим обобщениям, раздвигающим границы исторического пространства и времени. К числу таких прозрений этого века безусловно принадлежит идея нового, грядущего человека, которой отдали дань в своем творчестве многие философы – А. Сен-Симон, О. Конт, Р. Оуэн,